
АВГУСТ - 2014

МАКАРЬЕВСКИЙ ЛИСТОК □ 87

МУЖ ДВОЕДУШЕН НЕУСТРОЕН ВО ВСЕХ ПУТЕХ СВОИХ МИТРОПОЛИТ-ВЕРООТСТУПНИК

КРОВАВЫЕ УСОБИЦЫ, омрачившие княжение Василия, отца Иоанна III, отзывались нестроением в церковных делах. В начале 30-х годов XV века Смоленский епископ Герасим, ставленник Литвы, этой вековой соперницы России, отправился в Константинополь. Через год он возвратился оттуда уже в сане митрополита «Киевского и всея Руси» с явной претензией переместить центр русского Православия из Москвы в Киев, находившийся под властью литовского князя Свидригайла. Новый митрополит даже посвятил архиепископа в Новгород, хотя далее этого его участие в делах управления северо-восточными епархиями не пошло. Да и западными епархиями он управлял не более двух лет. Вскоре Свидригайло прогневался на Герасима, велел умертвить его и сжечь тело на костре.

Географическое положение страны, запертой среди мощных соседей, враждебное иноверческое окружение, внутренние неурядицы, тяжелые природные и климатические условия, экономическая изолированность — все, казалось бы, исключало становление России как мощной централизованной державы. Но — «еда не может рука Господня спасти? Или отягчил есть слух Свой еже не услышати?» (Ис. 59:1). Русь веровала, молилась и надеялась. А «надеющиеся на Господа, яко гора Сион: не подвижится во век живой во Иерусалиме» небесном, Сказавший: «Грядущего ко Мне не изжену вон» (Пс.124:1; Ин. 6:37).

После смерти митрополита великий князь Московский Василий с согласия всех русских князей и великого князя литовского отправил в Константинополь для поставления первосвятителем Иону, епископа Рязанского. Однако у Константинополя были свои соображения. Русским митрополитом был поставлен болгарин Исидор, и поставлен не случайно, а с определенной целью.

Византия переживала тяжелые времена. Турецкие завоевания сократили территорию империи до размеров столицы с пригородами. Император Мануил Палеолог и патриарх Иосиф решились просить помощи у папы. Условием получения помощи было поставлено примирение с католицизмом — в действительности это означало признание его «правоты» и отречение от православия.

С безумием маловерных, измалодушествовавшихся людей император и патриарх решились на вероотступничество. Для «воссоединения церквей» предлагалось собрать «вселенский собор». Склонить русских к участию в лжесоборе и должен был митрополит Исидор. Император знал его с давних пор — еще в сане игумена тот ездил в Базель для переговоров о «соединении церквей», которые велись там с 1433 года.

Тотчас по прибытии в Москву Исидор стал готовиться на «собор», несмотря на возражения и даже запреты великого князя. Наконец, Василий уступил настойчивости митрополита, но предупредил: «Нового и чуждого не приноси нам — мы того не примем». Исидор поклялся стоять за Православие, и, взяв с собой Суздальского епископа Авраамия и много других духовных и светских лиц, отправился в Италию.

Чего стоили его клятвы — стало ясно, как только границы Русской земли остались за спиной: в Юрьеве-Ливонском он даже не пошел в православный храм, а направился с немцами в костел где и стоял службу. На соборе, открывшемся в Ферраре 9 апреля 1438 года, а после перенесенном во Флоренцию, православных лестью, подкупом и насилием принуждали к подписанию определения о соединении церквей. Епископ Авраамий, например, за отказ был посажен в темницу и после принужден к подписи силою. Тверской посол Фома и священник Суздаля Симеон не желая участвовать в вероотступничестве, тайком бежали из Флоренции.

Исидор был ревностнейшим сторонником унии, призывая «душою и телом соединиться с латинами». В Россию он вернулся в звании папского легата для всех «северных стран» и в сане римского кардинала. По дороге новоиспеченный кардинал возвещал о соединении церквей и служил в латинских костелах. Зиму 1440—1441 годов он провел в Киеве, откуда в конце концов киевляне его выгнали за вероотступничество.

Весной 1441 года Исидор прибыл в Москву и, надеясь на «невежество» и «необразованность» русских, приступил к решительным действиям (сколько же их было за тысячелетнюю историю России, высокомерных иностранцев, принимавших русское смирение и простоту за необразованность!). На первой же литургии в Успенском соборе Московского Кремля Исидор возносил в молитвах имя папы римского Евгения, а по окончании службы архидиакон с церковного амвона зачитал определение Флорентийского лжесобора.

Митрополит предполагал, что согласие с постановлениями собора виднейших иерархов Востока и самого Константинопольского патриарха, являвшегося формально высшей инстанцией для Русской Церкви, парализует сопротивление. Воспитанный в духе мертвого католического «законничества», Исидор ждал, что внешне законная «упаковка» решений собора и привычка к церковной дисциплине обеспечат ему успех. И,

действительно, сперва все присутствующие были ошеломлены. «Вся князи умолчала и бояре и иные мнози», — свидетельствует летописец. 23

Первым опомнился великий князь. Он доказал Исидору, что русское сердце благоговейно чтит полноту живой веры, а не привычную обрядность и бездушное послушание. Назвав митрополита «ересным прелестником», «лютым волком», лжепастырем, губителем душ, Василий велел заточить Исидора в Чудовом монастыре и созвал русское духовенство на собор для рассмотрения флорентийской соборной грамоты. Определение было признано незаконным.

Милосердный великий князь, предполагая в Исидоре добросовестное заблуждение, велел увещевать отступника и склонять к раскаянию. Напрасно: Исидор упорствовал, а затем, пользуясь слабостью охраны, бежал в Тверь, предполагая закрепиться там и расколоть Русскую Церковь изнутри. Но и в Твери его ждала неудача — и там его посадили под замок. В очередной раз бежав, теперь в Литву, Исидор переправился оттуда в Рим с известием о провале замысла. Русские люди, жившие под иноверной властью Польши и Литвы, отвергли раскольнические замыслы Исидора не менее решительно, чем их единоверцы в Москве и Твери. Взгляд из Москвы на религиозный характер русской народности и государственности оказался достаточно четко оформленным и глубоко осознанным. Русское самосознание выдержало это испытание на верность своему долгу.

Но раскольническая антирусская и антиправославная деятельность Исидора не закончилась с его бегством из России. 5 декабря 1448 года, отказавшись от мысли поставлять митрополитов в Константинополе, который отступил от Православия на Флорентийском соборе, собор русских пастырей возвел на престол митрополита Киевского и всея Руси Иону. Святой старец озаботился в первую очередь единством Церкви, обличая латинство и унию. Тем не менее Исидору удалось, пользуясь поддержкой папы Пия II, объявившего святого Иону «нечестивым отступником», посеять смуту.

В 1458 году Григорий, ученик Исидора, был поставлен в Риме «митрополитом» Русской земли. Добиться «окатоличивания» упрямых русских опять не пришлось, и все же интрига принесла свой плод — с 1458 года произошло административное разделение Русской Церкви на две митрополии — Московскую и Киевскую. Немало русской крови пришлось пролить впоследствии для восстановления нарушенного единства. Лишь в 1654 году, когда Малороссия воссоединилась с Россией, был положен конец и противоестественному разделению единой Церкви. Но результаты посеянной смуты и сегодня сказываются на Украине, где униатство продолжает вековое стремление Рима к подрыву Православия «изнутри».